

ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ «СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ»*

Аннотация: Рефлектируя процессы принятия решений и развертывания на их основе социальных технологий, автор вырабатывает преференциальную шкалу, позволяющую располагать деятельностные, поведенческие единицы в порядке предпочтения.

Ключевые слова: социальная сбалансированность, эффективность, оптимальность.

Основной задачей философии с самого ее возникновения, как известно, является поиск надежного основания для упорядочения нашей жизни, на котором бы покоилось как знание, так и деятельность. Честолюбивая задача взрастить древа познания и влияния на некоей выверенной почве дала старт культивации, – всепоглощающие проекты «базиса несомненности» заполнили рефлексию. В философии науки развилась апология «естественного света» души (сенсуализм, рационализм, интуитивизм). В философии политики развилась апология «естественного света» власти (от идеологов абсолютизма до идеологов коммунизма).

Обжигающее аналитическое резюме данного всего обросшего словами опыта – разочарование. Фундаменталистская идея точности, строгости, достоверности, очевидности в познании и добротворения в обществе провалилась. Требования всестороннего доказательства для знания и совершенства для социума оказались невыполнимыми. «Мы как бы носимся на обширной поверхности вод, – безуспешно итожил Паскаль, – не зная пути... Только что думаем укрепиться на одном основании, оно колеблется и покидает нас; хотим ухватиться за него, а оно, не поддаваясь нашим усилиям, ускользает из наших рук, обращается в вечное перед нами бегство... Таково наше естественное положение, как оно ни противно нам: мы хотим желанием найти твердую почву, последнее незыблемое основание, чтобы воздвигнуть на нем башню... Но все здание наше рушится, и земля разверзается под нами до самых недр своих» [1].

Дискурс ограничил порыв, оконтурив собственные претензии предписаниями Геделя, Тарского, Левенгейма, Сколема (математика), Эйнштейна, Гейзенберга, Бора (естествознание). На этом идейном фоне утвердилась развенчивающая абсолюты, занижающая познавательную сдержанную позицию платформа пробатилизма.

Исходно же крепящийся на санирующих инициативах праксис не в состоянии априори лимитировать полномочия, – никаких препятствий благородной оптимизации социального устройства единственно нет; все имеет пределы, кроме склонности к улучшению.

Между тем искомым воплощения чаемого (демократия, вовлечение, участие, реализация) не достигается. В чем причина? Почему создаваемое нами незавершимо? Как объяснить, что есть равенство без свободы; что алчность пребывает единственным мотивом действия; что растет праздность; что... Что мешает создать социум, отвечающей идеалу?

Оказывается: мешает человек, при полномочиях субъективный фактор, по обстоятельствам лишаящий миротворчество надлежащих гарантий.

Мощь духа терпит крах, облачаясь в формы повседневных дерзаний. Интри-

* © Титкова О.В.

га претворения сместила акцент, переместив центр тяжести с проблематики фундаментального основания на проблематику фундаментального действия.

Доктрину методического действия в философии науки отрабатывал интуиционизм, в философии политики дисижнионизм.

Меньше действуешь – больше выдумываешь. Привнесение элемента реализма в знание и общество связывается с пафосом конструктивности. Если знать структуру действия – технологию задания объекта, его обмирщения, – можно получать выверенный предсказуемый результат. И в случае дискурса, и в случае праксиса возможно досконально знать творение (ряды идеальных (натуральные числа) и социальных (институты) структур), иметь ручательства состоятельности.

Дух конструктивности, отнюдь не будучи изощрением ума, однако, навеивает романтическую картину мира. Во-первых, творец далеко не всегда исчерпывающе знает творение (можно ввести понятие числа, но не ведать «исконной» его природы). Во-вторых, перевод рассмотрения из плоскости «сущность» в плоскость «устройство сущности» не снимает проблемы. Поддерживаясь сильными допущениями регуляризованности, нормосообразности онтологии (реалий), он ничего не говорит ни о характере, ни об условиях их (допущений) соблюдения. Отчего вдруг исключается возможность возведения безрассудства в ранг государственной философии (позволяющей, к примеру, в колхозе им. Кутузова ставить памятник Наполеону), отчего принимается рокайльная схема: добродетель полномочна, жестокость не ужасна?

Конструктивный подход автоматически не исключает лекомысленность, беспорядочность, опрометчивость, – понимание этого определяет новый виток исчерпания «субстанции» «технологией».

Лишенные естественности конструктивистские умопостроения пытались отредактировать теоретики «рационального действия».

Онтология конструктивного социума задается условием упорядоченности жизнетока – поддержание прагматического порядка на базе торжества закона. Тезис о порядке как консервативной стратегии нормативной самоорганизации – исполненный прелести доктринальный ход, сообщающий деятельности качества целесообразности, прозрачности, однако прелести весьма хрупкой. Представление жизни как организованной «по принципам» диссонирует с реальной жизнью, развертывающейся «по прецедентам». Имеет смысл вести речь, следовательно, о двух рядах (1) организованной по универсальным нормам доктринальной жизни; (2) подчиненной уникальным интересам реальной жизни. Оба ряда, конечно, не совпадают.

Состыковку «организации» и «процесса» налаживают адепты «рационального действия». Смысл их предложения сводится к синхронизации ориентиров социального действия.

Причина неорганичности (конфликтности) общества – несопряженность ценностных опосредований, дискордантность пресуппозиций, веро-убеждений как результат приобщенности к различным ареалам значимостей. Навести мосты между несовместимыми экзистенциальными кредо позволяет «рациональность», манифестируемая в формальном модусе аппаратом доказательства, началом достаточного основания; в материальном модусе – понятием благополучия, вытекающем из ориентированного социального действия с точки зрения определенных ... ценностных постулатов» [2].

Итак, всеобщее благоденствие кредитуется рациональным, т.е. рассчитанным, скалькулированным, сбалансированным по интересам, действием. За безмятежной поверхностью картины, однако, проступает тревожная суть. Достаточно от явления перейти к структурным контекстам, озаботившись: как и чем раци-

ональность субъективно свободного действия конституируется. Мрачная ирония состоит в ответе – она конституируется инструментально-бюрократически.

Жизненное – обусловливаемо ли чиновно-административным? Скрытая и жесткая детерминация одного другим выхолащивает жизненное; люди, подмятые институтами, расчеловечны. Восстановить «рациональность» в терминах жизненных пробует понимающая социология, комбинирующая более консистентной (сопоставительно с веберовской) моделью «знающей онтологии».

Мир не имеет в отношении нас намерений. Мы сами конструируем их для себя внедрением ценностей, целей, идеалов. Насущная задача быть в ценностно диверсифицированном мире просто не решается. Если не принимать «прозрение приходит до понимания» возникает проблема осмысленной коммуникации, продуктивного обмена деятельностью.

Презумпция «действие происходит через овеществление общих ценностей» (Парсонс) распространяется на узкий круг тривиально стандартных ситуаций; она не захватывает в свой бредень ситуации оригинальные, когда, скажем, между «взял» и «отдал» вклинивается «преобразил». И все же с позиций феноменологии (понимающей социологии) в плюрализме ценностей *per impossible* выделяется некое твердое ядро, и это суть канонизирующие поведенческие фигуры императивы первоисточной экзистенциальной стихии, само собой разумеющейся действительности – сферы *Lebenswelt*.

Опыт разнообразен, всякий руководствуется в утверждении специфической системой релевантностей в зависимости от богатства опыта. Никакой резонансности социальных действий тут нет. Она возникает в магистрали того, что каждый шаг утверждения в мире основывается на запасе раннего опыта, который включается в определенное единство в форме нашего запаса, служащего каждому из нас в качестве направляющей схемы наших собственных поведенческих актов. Все наши опыты в жизненном мире связаны с этой схемой, так что предметы и события в нем встречаются нам с самого начала в своей типичности [3].

Значит, типизация – предпосылка сходности наших толкований, действий, реакций в жизненном мире. Романтическое «крушение сердца», своеобразие выйти из ряда вон отступает перед архетипами *Lebenswelt*, задающими стратегическую инициативу. Конгениальность, причастность единым корням порождают сорт лишенной географических пределов гуманитарной общности, передаваемой основным тезисом взаимных перспектив: «я» подчиняюсь тому, что другие видят мир в принципе также, как «я».

Тезис обслуживают идеализации

- а) обменчиваемости точек зрения;
- б) конгруэнтности систем релевантности.

Назначение первой – гомология взглядов: «я» ставит на свое место другого и убеждается в одинаковом отношении к лицу. Назначение второй – гомология ценностей: «я» предполагает, – различия в подходах к миру иррелевантны; наши оценки тождественны; мы судим о вещах по сходным критериям; мы допускаем, что другие действуют так же, как мы это знаем.

Жизненный мир структурирован. Мы знаем как. И потому, утверждаясь, взаимодействуем, рассчитывая на взаимность. Это «рассчитывание» представляет не веберовский казенный расчет, но общую веру, что ни мир (идеализация последовательности «и так далее»), ни «я» (идеологизация повторяемости «я могу снова и снова»), ни мне подобные (идеализация типичности «я», вытекающая из основного тезиса взаимных перспектив) не изменяет свойства.

Все минется, одна правда останется. Правда же состоит в признании неадекватности фундаментальных феноменологических идеализаций константности.

Изменяющийся мир, несамостождественный человек (человек «линяет» (Сартр) в ходе жизни), неодинаковые люди – существуют разное, действуют не сопряженно, в исполнении жизненных проектов руководятся не «типичными» ценностями.

Обязательное и поддержанное силой высказанных идей итоговое убеждение заключается в необходимости преодоления естественнонаучного варианта социальной теории. Отрицание самодостаточности гуманитарного ресурса в тематизации человеческих реалий принадлежит прошлому. Никто всерьез не воспринимает органицистские, механицистские, редукционистские модели, связывающие причины поступков с кровообращением и теми обстоятельствами, которые его «усиливают, приостанавливают, ослабляют или ускоряют» [4].

Бихевиоризм, рефлексология уступили место аксиологически ориентированной системе, доктринально выражающей ценностную природу человека.

Человек существо символическое – ценностно выраженное, идеалонесущее. Последнее как родовая сущность проявляется в организации деятельности. Сфера желания (практический разум) озадачивает, сфера познания (чистый разум) производит расчет. Совершенно ясно, что удовлетворить потребность нужно инстинктивно, рефлекторно (в обход «логарифмов»). В принципе, такое не раритет в многострадальной истории, именуемой в подобном случае нечеловеческой.

Человеческая история становится с постановок «допустимо ли», «какой ценной», инициирующих введение оценок, стимулирующих отнесение к ценностям. Поскольку цели и ценности людей различны, описываются сеткой координат с осями «нельзя делать» и «нельзя не делать», постольку есть намерение подчинить их неким абсолютным предпосылкам, находящим оправдание в логическом подходе к решению поисковых задач.

«У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего – иная, чем у неимущего, у мыслящего – иная, чем у того, что не способен мыслить» [5], – отмечал Энгельс. Стремление преодолеть эмпирическое безбрежье, не погрязнуть в частностях влечет обращение к абсолютам.

Религий множество, – Кант полагал возможным замкнуть их на мораль. Отсюда схема «категорического императива».

Обществ множество, – Вебер полагал возможным замкнуть их на управление. Отсюда схема «рационального действия».

Цивилизаций множество, – Сорокин полагал возможным замкнуть их на этос. Отсюда схема «интегральной цивилизации».

Миров множество, – Шюц полагал возможным замкнуть их на *Lebenswelt*. Отсюда схема «сопряженности взаимных перспектив».

Концептуально стратегия абсолютов оправдана: доктринально она позволяет соблюдать теоретико-методологический монизм; приводить многообразие к единству; фиксируя инварианты, развертывать сущностные тематизации. Эмпирически стратегия абсолютов не оправдана: не имея операциональных эквивалентов, они не получают верификации.

Парадокс – абсолюты теоретически приемлемы, эмпирически не приемлемы – снимается введением эмпирически достоверных абсолютов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Паскаль Б. Мысли // Лабрюйер Ж. Характеры. М.: Художественная литература, 1974. С.68.
2. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. H.1. Tubingen, 1956. S.60.
3. Schutz A., Lukmann T. *Strukturen der Lebenswelt*. Bd.I. Neuwied, 1975. S.26.
4. Ламетри Ж. О. Сочинения. М.: Мысль, 1976. С.290.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1957. Т.6. С.140.

O. Titkova

THE VALUABLE ANALYSIS OF «SOCIAL ACTION»

Abstract: Reflecting decision-making processes and expansions on their basis of social technologies, the author develops the preferential scale, allowing to have active, behavioural units as preference.

Key words: social equation, efficiency, optimality.